

В тот год Хо Фэнле было всего восемь. Он пришел навестить их в Императорской академии. Из-за приближающихся императорских экзаменов наставники надавали ученикам прорву заданий, но у троицы как раз заиграла кровь — им срочно понадобилось сбежать по какому-то важному делу.

Переписывать за ними работы ему приходилось не впервые: Эрдгоу уже вовсю умел подражать их почерку. Вот и в тот день троица привычно отправилась на поиски приключений, оставив его за себя. Мальчик прилежно корпел над чужими свитками в пустой комнате, изображая придавленных учебой старших.

Когда же беглецы вернулись, во дворе было светло как днем. Там собрались все академики, а вместе с ними — маркиз Циян и старая госпожа Хо. Несчастный, ни в чем не повинный Эрдгоу уже стоял на коленях, наказанный собственной матерью.

Наставники тогда рассвирепели не на шутку. Обвиняли беглецов в заносчивости и неисправимом нраве. Если бы позже не выяснилось, что троица сбежала ради благого дела — помочь раскрыть преступление, их, верно, отчитывали бы сутки напролет.

В итоге всех троих наказали. А когда старая госпожа Хо уже собиралась увести Эрдгоу домой, учителя задержали ее для разговора.

Сказали они буквально следующее: «Второй молодой господин наделен выдающимся умом. Даже если он не унаследует военное дело предков, на поприще наук и словесности он непременно добьется высших наград!»

Старые ученые редко кого осыпали подобными похвалами — они привыкли сурово обтесывать даже самый лучший нефрит. Но тогда, разглядев редкое дарование, они искренне захотели уберечь его. Семье Хо хватало и старшего, Хо Фэйхана, а второму сыну стоило пойти по мирной стезе. В свои восемь лет он уже писал безупречные сочинения. Да и то, как ловко он прежде помогал трем шалопадам обводить наставников вокруг пальца, лишь доказывало его блестящий ум. Учителя всем сердцем желали, чтобы он посвятил себя наукам.

Но устои клана Хо оказались сильнее, их было не переломить. В конце концов Хо Фэнле все равно отправился на войну.

При том разговоре присутствовали лишь самые близкие, и, разумеется, никто не стал бы разносить чужие слова.

И вдруг этот «Лю Сяочжу» заявляет почти то же самое.

К тому же хвалить воинские таланты сравнением с первым на экзаменах — явное преувеличение. Просто в тот момент, увлеченные пылкой речью Лю Чжэньцина, никто не обратил внимания на столь громкие слова.

Теперь же, когда Хо Фэнле особо выделил эту деталь, Хэ Лань и Цинь Юй ощутили фальшь. На Лю Чжэньцина снова устремились подозрительные взгляды.

Впрочем, даже если они что-то и заподозрили, то максимум сочли бы это притворством, решив, что он разыгрывает потерю памяти. Догадаться о переселении души никто бы не смог. Вопрос Хо Фэнле таил в себе опасность, но Лю Чжэньцин, оправившись от мимолетного удивления, не собирался пасовать перед этими юнцами.

Он изобразил крайнее изумление:

— Неужели наставники и правда так говорили? Что ж, генерал Хо действительно мастер и меча, и кисти! А я просто разгорячился в споре и брякнул первое, что пришло в голову.

И действительно, едва Лю Чжэньцин умолк, Хо Фэнле отвел взгляд и убрал руку от чашки. Он походил на рыбака, который резко потянул леску, но, не почувствовав натяжения, послушно опустил ее обратно в воду.

— Как ваше здоровье, молодой господин Лю? — Хо Фэнле заговорил о другом, давая понять, что тема закрыта и он не намерен расспрашивать дальше или винить собеседника за дерзкие речи.

— Снадобья из вашего поместья творят чудеса, я совершенно поправился, — ответил Лю Чжэньцин.

В этот момент Хо Фэнле поднялся и отвесил ему чинный, глубокий поклон. Лю Чжэньцин растерялся, но поспешно встал и склонился в ответном жесте вежливости.

— Благодарю за то, что, рискуя собой, спасли детей. Я не забуду этот долг.

— Главное, чтобы вы не держали на меня зла, — проговорил Лю Чжэньцин, почувствовав некоторую неловкость. — Если бы я не повел себя столь легкомысленно, подвергнув их опасности, ничего бы не случилось. Я лишь исправил собственную оплошность.

— Вина лежит на них. Вам не в чем себя корить, — бесстрастно отозвался Хо Фэнле.

— Что ж, тогда не буду. Но и вам, генерал Хо, не стоит считать себя обязанным, — легко ответил Лю Чжэньцин.

— Да тебя после беспамятства словно подменили! — рассмеялся Хэ Лань. — Прежний ты мимо такого шанса не прошел бы, сразу потребовал бы награды. Давеча ты всю грозился отведать лебедушки — что же теперь не спешишь ухватить кусок?

Цинь Юй укоризненно покосился на шутника, но все же поддержал его со своим неизменно

бесстрастным видом:

— Да и ваша защита генерала Хо выглядела весьма искренне. Слово генерала ценится на вес золота, так что вам действительно стоит попытать удачи.

Кто бы мог подумать, что и этот сухарь Цинь Юй примкнет к Хэ Ланю. Только он умел с самым серьезным видом подливать масла в огонь.

От недавней торжественности не осталось и следа. Лю Чжэньцин почувствовал, как к щекам приливает жар. Одно дело — разыгрывать комедию перед толпой, и совсем другое — пожинать плоды сейчас, когда пыл угас. Слышать шутки о себе и Эрдгоу было неловко до крайности. Неужели обязательно устраивать эту публичную казнь?

«Твои друзья совсем распоясались, приструнил бы их!»

Хо Фэнле тяжело зыркнул на приятелей, безмолвно призывая к порядку.

Однако те и не думали униматься. Один сыпал расспросами с широкой улыбкой, другой — с каменным выражением лица. Они наперебой выпытывали, каково это — вновь увидеть Хо Фэнле после беспамятства, и правда ли его пламенная речь предназначалась лишь для победы в споре.

Все их расспросы сводились к одному: так хочется ли ему еще отведать лебединого мяса?

Поскольку все присутствующие были мужчинами, а прежний Лю Сяочжу никогда не скрывал своих намерений, друзья не стеснялись в выражениях.

Но Лю Чжэньцин не собирался безропотно терпеть их нападки.

Посмотрев на спевшийся дуэт, он с улыбкой произнес:

— Всегда поговаривали, будто Восточное депо и Парчовая стража не ладят между собой. Но гляжу я на вас — какая редкая гармония, какое завидное единодушие!

Удар пришелся точно в цель. Собеседники мгновенно притихли и уставились друг на друга с неприкрытым отвращением, словно только теперь осознали, как слаженно работали в паре. Хэ Лань демонстративно отвернулся, а Цинь Юй даже отодвинул свое кресло подальше.

«Разругать двух мужчин одной фразой — бесценно»

Лю Чжэньцин с наслаждением наблюдал, как неловкость уплывает от него и окутывает эту

парочку. Он никогда не давал себя в обиду в словесных баталиях. Стоило разгадать их привычную манеру общения, как разжечь пожар оказалось делом нескольких мгновений.

Однако его триумф прервал мимолетный взгляд на Хо Фэнле. На лице генерала на мгновение отразилось крайнее изумление.

Лю Чжэньцин растерялся. Неужели и Хо Фэнле подумал то же самое? Решил, будто у него все еще остались виды на грозного воителя?

«Проклятье, неужели это клеймо безнадежно влюбленного прилипло ко мне намертво?»

Пришлось поспешно спасать положение:

— Теперь, когда я потерял память, лебединое мясо меня больше не прельщает. А те речи я завел лишь для того, чтобы защитить собственное доброе имя. К тому же вскоре я уезжаю из Императорской столицы, так что вам не придется больше донимать меня расспросами.

С этими словами Лю Чжэньцин поднял сложенные руки и чинно извинился за то беспокойство, что причинял прежде генералу Хо.

Тот слегка опешил, но кивнул, показывая, что обиды не держит. На самом деле прежний Лю Сяочжу не переходил границ дозволенного — он лишь искал встреч, присылал скромные подарки да прямо заявлял о своих чувствах.

В памяти Хо Фэнле тот юноша почти не запечатлелся: их редкие встречи всегда выходили суматошными, они едва ли перекинулись парой внятных слов, так что он смутно помнил его лицо. Гораздо больше шуму наделала сама смелость молодого человека, дерзнувшего открыто ухаживать за грозным военачальником.

Зато нынешний Лю Чжэньцин врезался ему в память крепко. От него исходило странное, едва уловимое ощущение, которое Хо Фэнле не мог облечь в слова. Именно поэтому он еще с улицы приметил юношу, когда тот только подходил к трактиру. Необычная походка и манеры гостя привлекли его внимание, что и раззадорило Хэ Ланя, который тут же умчался вниз выведывать подробности.

Услышав объяснения гостя, Хэ Лань и Цинь Юй наконец прекратили безмолвную войну.

— С чего вдруг уезжать? — удивился Хэ Лань. — Жил себе спокойно, и на тебе.

— Опасаетесь за свою жизнь? — Цинь Юй сразу вспомнил недавнее отравление и похищение.

Лю Чжэньцин покачал головой:

— Память ко мне так и не вернулась, вот я и подумал: может, в родных краях что-то вспомнится? Да и дела у дедушки в провинции расстроились, нужно помочь, а заодно и уму-разуму набраться.

Поскольку близкими друзьями они не были, расспрашивать дальше никто не стал.

Но тут подал голос Хо Фэнле:

— Можете повременить с отъездом. Скоро вернется моя невестка, она смыслит во врачевании и могла бы осмотреть вас.

После спасения близнецов Ли Синжо, конечно, не отказала бы в такой услуге. Но Лю Чжэньцин ни за что не согласился бы на встречу. Ему и с Эрдгоу-то приходилось несладко, а уж лицом к лицу столкнуться с той, с кем его связывало столь многое в прошлой жизни, было выше его сил.

Он мягко улыбнулся:

— Раз уж решил, отступить не стану.

Держаться от них подальше, жить тихой, праздной жизнью или начать все с чистого листа — какое бы решение он ни принял, менять его он не собирался.

Глядя на его умиротворенное лицо, Хо Фэнле вновь ощутил смутное беспокойство.

— Постой, но ведь сейчас уехать не так-то просто, — внезапно заметил Хэ Лань.

Лю Чжэньцин удивленно воззрился на него.

Парчовая стража только что прибрала к рукам командование столичным гарнизоном, и сегодняшнее пиршество устроили как раз в честь этого триумфа. Однако вдаваться в подробности Хэ Лань не мог, а потому лишь пояснил:

— Нынче проверки на заставах ужесточили, бумажной волокиты не оберешься. К тому же скоро начнутся весенние императорские экзамены.

Лю Чжэньцин помнил, как в былые годы во время экзаменов разразилась буря: некий смельчак посмел обличить покойного государя в своем сочинении. Поднялся страшный переполох, и с тех пор в преддверии испытаний Императорскую столицу брали в ежовые рукавицы. Покинуть город в такую пору бывало непросто. Однако, судя по тону Хэ Ланя, дело обстояло гораздо серьезнее.

Память услужливо подкинула воспоминания о недавнем покушении на Торжественной церемонии весенней пахоты, за которым тянулся темный след.

Настроение Лю Чжэньцина мгновенно испортилось. Старый господин Лю ни за что не станет ввязываться в эти хлопоты, да и новое имя самого Чжэньцина сейчас могло привлечь ненужное внимание стражи. Неужели придется переносить отъезд?

Он чувствовал себя птицей, которая уже расправила крылья, готовая вырваться из клетки, но внезапно обнаружила, что срок заключения продлили.

Заметив, как поскущел собеседник, Хэ Лань приободрил его:

— Если дело не терпит отлагательств, мы можем подсобить.

Лю Чжэньцин тут же расплылся в улыбке:

— Неужто поможете?

Хэ Лань великодушно взмахнул рукой и указал на Хо Фэнле:

— Ему стоит лишь слово замолвить — и заставы перед вами откроются.

Лю Чжэньцин медленно перевел взгляд на молчаливого генерала.

Хо Фэнле на миг задумался, но все же кивнул:

— Когда планируете отбыть? Я велю подготовить сопровождение.

— Переговорю с дедушкой, — обрадовался Лю Чжэньцин. — Думаю, управимся за три дня.

Генерал коротко подтвердил свое согласие.

<http://bllate.org/book/20542/2131630>